

Шамс. А. Бунятова*

*Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
(E-mail: shams.bunyatova@gmail.com)*

Коллективные заблуждения и механизмы введения в заблуждение: от типологии ошибок Джона Локка к современной эпистемологии

Известно, что с XX века в области социальной эпистемологии коллективистская трактовка понятия истины стала приоритетной по сравнению с индивидуалистской. Таким образом, можно сказать, что это был ответ на однобоко-эгоцентрический подход, пропагандируемый модернизмом. С этой точки зрения не только понятие истины, но и такие явления, как заблуждение, ложь и ошибка, стали оцениваться не как результат мыслительных операций одного человека, а как заблуждение общества в целом. В частности, оценка истины как явления, которое не открывается, а создается, побудила философов заново проанализировать истоки понятия ошибки и рассмотреть роль не только интеллектуальных, но и иных сил (религиозных, политических и т.д.). В этом смысле подход Джона Локка, как одного из первых философов, подчеркнувшего социальный и коллективистский характер ошибки, и расширение его позиции, а также синтез с идеями современных философов, является центральным аргументом статьи. Взгляды Джона Локка, предполагающие различные типы когнитивных ошибок, в основном противопоставляются идеям таких философов, как М. Фуко, Б. Латур и Р. Проктор. В статье специально рассматриваются взаимоотношения между такими понятиями, как механизмы убеждения как источники ошибок, активные и пассивные формы невежества, агногенез, режимы истины, интеллектуальная лень и вводящие в заблуждение истины. Перечисленные понятия в основном оцениваются как методы обмана и средства извлечения выгоды из обмана общества.

Ключевые слова: заблуждение, истина, невежество, вера, свидетельство, агнатология, режимы истины, социальная эпистемология, психология толпы, перспективизм, объективность.

Введение

Известно, что эпистемология — это раздел философии, который занимается природой, происхождением, пределами и методами получения знаний. Одной из важнейших тем эпистемологии является интерпретация понятия истины, его определение, определение ее критериев, а также выявление ошибок и заблуждений, которые считаются антиподом истины, и поиск способов борьбы с ними. Если обратиться к истории философии, то увидим, что существует множество подходов к тому, что такое знание или истина. Однако следует подчеркнуть один момент: особенно начиная с Декарта, эпистемология основывалась на индивидуалистической, эгоцентрической тенденции. Если мы рассмотрим неэгоцентрические подходы, такие как натуралистическая эпистемология, то она, по-видимому, все еще игнорирует важность социального взаимодействия в понимании природы и ценности знания [1]. Согласно позиции Декарта, знание-истина начинается с существования индивидуальной мысли и самого человека как ее субъекта. В этом смысле в более поздние периоды достижение истины фактически не оценивалось как коллективное усилие, а как результат чисто индивидуальной деятельности. Конечно, хотя были исключения, такие как Бэкон, Локк и Юм, взгляды, подчеркивающие роль социальных влияний в анализе отношений истины и заблуждения, начали появляться на эпистемологической сцене в основном со второй половины 20-го века. Так, Юм признавал, что мы в основном доверяем показаниям других, их утверждениям об истине. Однако это доверие «не возникает из какого-либо принципа, кроме наших наблюдений, основанных исключительно на правдивости утверждений людей и соответствии этих утверждений фактам». В этом смысле, по Юму, свидетельство можно считать истинным, особенно если у нас есть индуктивные доказательства, основанные на наблюдении и памяти [2; 74]. С другой стороны, если мы посмотрим на «идолов», которых Бэкон упоминал как типы заблуждений, то мы увидим, что он снова подчеркивает роль элементов социального влияния, исходящих из общества, которые блокируют истину, то есть такие препятствия, как предрассудки, догмы и языковые заблуждения. В философии Локка можно наблюдать, что и экономическая зависимость, и господствующая идеология и администраторы вызывают общественные заблуждения

* Автор-корреспондент. E-mail: shams.bunyatova@gmail.com

одинаково. Однако, как уже отмечалось, интерпретация отношений истины и лжи в социальном контексте с XX века стала предметом изучения в рамках социальной эпистемологии. В целом можно сказать, что социальная эпистемология является своего рода вызовом фундаментальным концепциям классической эпистемологии, таким как индивидуализм, объективность и абсолютизм. В этой связи Элвин Голдман выделяет три ветви социальной эпистемологии: ревизионизм, протекционизм и экспансионизм. Ревизионистский подход, требующий пересмотра основных понятий классической эпистемологии, рассматривает знание как институциональное убеждение, а истину как социальный институт и подчеркивает, что эпистемическими агентами являются не индивиды, а общество. В статье основное внимание будет уделено интерпретации взглядов Локка в соответствии с концепциями истины-лжи, описанными ревизионистским направлением.

Поскольку человек является социальным существом, нелогично думать о нем вне общества и сетей зависимости, установленных между людьми. Люди взаимосвязаны практически во всех областях, и вопросы истины и лжи являются частью этих связей. С этой точки зрения социальная эпистемология является областью, которая изучает, как социальные отношения и взаимодействия влияют на эпистемические качества индивидов и групп. В этом контексте одним из важнейших вопросов, находящихся в центре внимания социальной эпистемологии, является определение эпистемологических характеристик свидетельств и разногласий. Под свидетельством понимаются наши знания о мире и его объектах, основанные на взглядах и мнениях других людей, выраженных устно или письменно. Без участия других наши знания об истории, науке, космосе, повседневных событиях, а также об интеллектуальных и практических концепциях были бы крайне ограничены. Однако возникает вопрос, при каких обстоятельствах и условиях мы можем придать положительный эпистемический статус свидетельству других? С другой стороны, независимо от того, насколько большое значение мы придаем мнению других, иногда возникают разногласия, которые мы игнорируем или отрицаем, особенно во время дискуссий об устоявшихся убеждениях (политических, философских, религиозных и т.д.). В рамках рассмотрения вышеупомянутых проблем с точки зрения коллективной эпистемологии, агнотологии, эпистемической несправедливости и эпистемической демократии ключевое внимание следует уделять таким концепциям, как свидетельство и передача знаний, эпистемическая зависимость, агнотология, эпистемическая несправедливость, эпистемическая демократия, коллективная рациональность и когнитивные предубеждения. [1; 102].

В классической эпистемологии истина определяется как «обоснованное истинное убеждение». С этой точки зрения, для анализа отношений истины и заблуждения у Локка с социальной точки зрения необходимо обратиться к концепции силы веры (belief strength). Другими словами, статья посвящена применению классического определения истины к понятию заблуждения и исследует, каким образом социальные факторы влияют на такие элементы, как обоснование и убеждение.

Материалы и методы

Статья основана на методе сравнительного анализа и синтеза. Взяв за основной источник типологию заблуждений в «Опыте о человеческом разумении» Джона Локка, анализируются и сопоставляются мысли современных философов о знании, вере, незнании и власти с точки зрения соотношения истины и заблуждения. При этом в статье делается попытка объяснить не только индивидуальные, но и коллективные, социальные характеристики заблуждения. Ссылаясь в основном на труды таких философов, как Ф. Ницше, М. Фуко, Л. Загзебски, Э. Хоффер, Б. Латур, Н. Туана, К. Кришнамурти, Р. Проктор, рассматриваются их идеи о взаимосвязи истины и заблуждения, которые интерпретируются в соответствии с социально-философскими взглядами Локка.

Обсуждение и результаты

Джон Локк, один из важнейших философских деятелей XVII века, особенно подчеркивал социальные и практические аспекты заблуждения, сосредоточившись на роли социальных условий, искажающих мнения людей, наряду с человеческими когнитивными ограничениями, как их причиной. В целом можно сказать, что взгляды Джона Локка на заблуждение делятся на два направления. Это можно увидеть, если рассмотреть его труды «О направлении разума» и «Опыт о человеческом разумении». Во вступительном параграфе своего произведения «О направлении разума» Локк подчеркивает значение человеческой способности к пониманию и осмыслению, а также указывает на её уязвимость перед различными заблуждениями. По словам Локка, «на самом деле существует много ошибок в восприятии, которые можно устранить, но их не замечают и игнорируют.

Люди совершают много ошибок в использовании этой умственной способности... и эти ошибки мешают их прогрессу и держат их в невежестве и заблуждении на всю жизнь» [3; 22]. Локк упоминает в этом контексте два типа ошибок и заблуждений: первый — отсутствие ясных, точных понятий или идей, а второй — неполное открытие связующих идей [3; 23]. Первый тип ошибок, по Локку, связан с базовыми принципами, лежащими в основе идей. К этой категории относятся ошибочные идеи, в частности те, которые продвигаются религиозными догматистами, утверждающими, что некоторые принципы являются врожденными. Другой вариант первого типа ошибок — формирование односторонней точки зрения. То есть «принципы, составляющие основу наших рассуждений, следует рассматривать только как часть целого, и если не принимать во внимание другие важные элементы, то их нельзя считать полными и правильными суждениями». Таким образом, точно определив и объяснив исходные рассуждения, можно переходить ко второму этапу — связи идей. Локк, более осторожно оценивающий вероятность заблуждений на первом этапе, приходит к выводу, что на втором этапе вероятность ошибки значительно ниже, поскольку способность к рассуждению редко, а иногда и вовсе не вводит в заблуждение тех, кто ей доверяет. Однако Локк, который также подчеркивает, что мы можем смириться с большой опасностью «не мыслить ясно» на втором этапе, считает, что оба типа ошибок являются взаимодополняющими и взаимоусиливающими. В этом контексте подход Локка к понятию заблуждения можно трактовать не только как результат внешних воздействий, но и как эпистемическую ошибку, являющуюся следствием слабости эпистемической структуры, неправильного установления связи между суждениями и неадекватного функционирования когнитивного процесса. Мы проанализируем подход Локка к понятию заблуждения с позиции социальной эпистемологии, опираясь на его работу «Опыт о человеческом разумении».

В частности, в работе «Опыт о человеческом разумении» Локк, анализируя соотношение истины и заблуждения, определяет заблуждение как «не недостаток наших знаний, а ошибку в нашем суждении, утверждающем как истинное то, что не является истинным» [4; 703]. Подчеркивая роль социальных факторов, Локк перечислил несколько типов заблуждений: заблуждения, возникающие в результате неправильного образования; широко распространённые заблуждения; заблуждения, возникающие из уважения или лояльности к правящей власти; и другие. [5; 80]. В своей книге «Словарь аргументации: Введение в изучение аргументации» французский лингвист Кристиан Плантен группирует типы аргументов, приведенные Локком, как приемы обмана, к которым люди прибегают, чтобы убедить друг друга в своей истинности или, по крайней мере, заставить замолчать тех, кто придерживается противоположной точки зрения. Локк классифицирует заблуждения под четырьмя типами риторических аргументов: *argumentum ad verecundiam*, *argumentum ad ignorantiam*, *argumentum ad hominem* и *argumentum ad iudicium*. По словам Планта, первые три аргумента используются для оказания давления на противоположную сторону и, согласно определению риторической аргументации, следуют последовательности *logos-ethos-pathos*. Основная цель этих аргументов — ввести аудиторию в заблуждение.

Так, *ad verecundiam* означает лояльность к правящей власти: неспособность противостоять власти не доказывает, что её утверждения истинны. *Ad ignorantiam* подразумевает, что отсутствие у противоположной стороны лучшего аргумента или знаний не является доказательством правильности своей позиции. Наконец, *ad hominem* заключается в нападении на характер оппонента вместо опровержения его идей [6; 419]. Таким образом, по Локку, первые три аргумента отражают заблуждения, возникающие из уважения, подчинения и невежества, и не способствуют приобретению истинного знания. Последний метод суждения, который он называет *Argumentum ad iudicium*, является, по Локку, самым надежным путем, ведущим человека к истине [7; 56]. Источником этого является не слепая вера, не невежество и не подчинение, а способность выносить суждения на основе рационального и критического анализа, опираясь на доказательства.

По мнению Локка, как автора идеи «*tabula rasa*», заблуждения не являются врожденными концепциями в уме, но их корни следует искать в доминирующих идеологических центрах, будь то политические или научные, и в системах верований людей, которые слепо полагаются на них. Если мы посмотрим на общества XVII века, то выражение доминирующих сил, упомянутое Локком, относится не к группе экспертов и интеллектуалов в какой-то области с эпистемическим превосходством, а скорее к группе, превосходящей других с точки зрения социального статуса. «Каждый выступает против слепоты, в то время как большинство людей влюблены в вещи, которые затемняют их глаза и лишают их ум света, который ведет к науке и истине. Таким образом,

неопрровержимые максимы, спорные или ложные положения, принимаемые за абсолютные истины, затемняют истину благодаря тем, кто на них полагается. Такие заблуждения обычно являются предрассудками, привитыми образованием, партийной принадлежностью, престижем, модой и личными интересами» [5; 80]. В этом смысле мы можем видеть, что основным фактором, заставляющим людей «добровольно заблуждаться», является необоснованная вера. По мнению Локка, который отмечал, что религиозные люди часто вводят других в заблуждение через подобные утверждения, выражение «Я верю, потому что это абсурдно» может показаться парадоксальным, однако с точки зрения Локка это ошибочная и иррациональная позиция. Другими словами, большинство людей, особенно в детстве, принимают идеи, которые им внушают родители, няни или доминирующие фигуры вокруг них, как если бы они были естественными и неизменными истинами. Доказать, что те, кто принимает эти принципы, ошибаются на более позднем этапе, является, пожалуй, одной из самых сложных задач. По мнению Локка, эти люди отвергают все утверждения, которые противоречат этим принципам, даже если это логически и рационально подтвержденные идеи. Напротив, они могут легко принять самые немыслимые идеи, потому что они соответствуют их принципам. Например, кто-то, воспитанный в римско-католической вере, принимает идею воплощения Бога, даже если она нелогична. Таким образом, религиозные и моральные доктрины, внушаемые детям, чье критическое мышление еще не сформировано, со временем закрепляются привычкой и постоянным обучением. В результате они становятся столь же устойчивыми, как память индивида, и воспринимаются как принципы, отделяющие правильное от неправильного, священные истины, установленные Богом, или «непогрешимые критерии истины». В этом смысле они могут принять идею, которая явно неверна, как истину, опираясь исключительно на эмоциональные основания. Локк отмечает, что такие люди готовы поверить, что даже хлеб, который они видят своими глазами, является мясом [4; 709-710]. Следуя идеям Локка, американская философ Линда Загзебски также подчеркивает роль учителей и религиозных лидеров как эпистемических авторитетов, отмечая, что их высказывания с большей вероятностью воспринимаются как истинные по сравнению с политическими авторитетами. По ее мнению, эпистемический авторитет — это нормативная сила, которая создает основания для других действовать или верить во что-то. В этом смысле религиозные органы, в отличие от политических, гораздо более могущественны, чем могут гарантировать подлинность того, что они говорят. Однако эти две силы, объединенные, могут выступать источником истинного знания и, с одной стороны, мотивировать невежество [8; 295]. В этой связи, по мнению историка Ф. Баумера, хотя Локк был хорошим христианином, это не меняет того факта, что его учение принижает сверхъестественный характер религии и изображает религию как простой набор этических норм [9].

Понятие заблуждения Локка можно сравнить с идеями Ницше, который утверждает, что метафизические заблуждения начинаются с разрыва связи между знанием и практикой. Так, мы можем найти схожие идеи у Ницше, который подчеркивает, что одним из самых страшных зол для человека, желающего познать истину, является вера в абсолютность и неизменность. По мнению Ницше, мы должны признать, что то, что мы принимаем как истину, во что мы верим, внутренне полно всевозможных потенциальных ошибок, потому что по своей природе человек склонен к власти и удержанию ее в своих руках. Таким образом, каждая идея, мысль и истина неизбежно содержит перспективистские интерпретации, отражающие определенные интересы. В этом смысле взгляды Ницше и Локка сходятся: оба считают, что мы можем критическим мышлением развенчивать устоявшиеся заблуждения, окружающие нас. Ницше сравнивает отказ от рационализированных обществом заблуждений и замену их новыми с метафорой принудительной линьки как типа естественной адаптации. Таким образом, если мы сравним взгляды обоих философов, мы можем оценить истину с конкретно-исторической точки зрения как догматы, внушаемые «сильными», а с другой стороны, с точки зрения непрерывности времени, как постоянно меняющуюся концепцию, которая адаптируется к опыту и жизни.

Вслед за Ницше уместно рассмотреть идею Локка о правящих силах, «создающих» иллюзию истины, через призму онтополитической философии Мишеля Фуко. По Фуко, истина — это понятие, которое следует рассматривать с социально-политической точки зрения, потому что она не является «ни наградой независимых умов, ни детищем долгосрочного одиночества, ни привилегией тех, кто сумел освободиться» [10; 131]. Таким образом, если мы посмотрим на философский репертуар Фуко, как и Локк, то увидим, что он объясняет концепции истины-заблуждения с позиции знания-силы. По Фуко, который утверждает, что истина не есть нечто неизменное, абсолютное или универсальное, она

формируется с социально-исторической точки зрения на основе «режимов истины». По мнению Фуко, утверждающего, что отношение власти и знания (здесь истины) неразрывно, они всегда порождают друг друга, становятся причиной друг друга. Особое значение Фуко придает понятию диспозитиву (или аппарату), который возникает в этом процессе. Он оценивает диспозитивы как сеть отношений, состоящую из разнородных элементов, от архитектурных сооружений, сохраняющих истину власти и подчиняющих ей людей, до философских и моральных принципов [11; 118]. По мнению Фуко, диспозитивы, в отличие от эпистемы, которую он в основном рассматривает как тип теоретического и научного знания, содержат не только дискурсивные, но и материальные, институциональные элементы. Иными словами, Фуко определяет их как механизм убеждения, создающий истину власти, определяющий своего рода условия существования людей, и заявляет, что все, что не похоже на предлагаемую истину, не соответствует ей, является ложью. По нашему мнению, это похоже на метафору «скрытой руки», которая определяет динамику деятельности не только в экономической сфере, но и в других областях. Таким образом, люди впадают в систематическое заблуждение, потому что не представляют или даже не могут представить себе ничего, кроме обещанной реальности.

Таким образом, поскольку режимы истины определяют критерии различия истины и лжи, в конечном итоге принимается, что источником барьера между истиной и ложью являются не природные факторы, а социально-исторические принципы. По словам Фуко, «в каждом обществе есть свой режим истины, свои приемы и институты для различения истины и лжи» [10; 131]. Именно эти диспозитивы проблематизируют нечто, вовлекают его в игру истины и лжи и превращают в объект системы [12; 209]. В этом смысле, то, что считается истинным, а что ложным, зависит от определенных правил. Таким образом, поскольку истина не нейтральна, то и возникающие в результате веры в нее заблуждения сами по себе выступают элементом стратегических целей. Также уместно объяснить еще одно понятие, которое Фуко использует в связи с диспозитивом — понятие «*assujettissement*». Можно сказать, что «*assujettissement*», субъективизируя человека, то есть, давая ему идентичность и превращая его в мыслящего субъекта, с одной стороны, превращает его в объект [13; 22], заставляя подчиняться системе или превращая в объект исследования в соответствии с идентификациями, которые система ему предоставляет. Подводя итог, можно сказать, что цель управления (*gouvernementalité*), возникшего особенно с конца XVIII века, состоит в создании программируемой реальности. В результате этого процесса субъекты, с которыми мы сталкиваемся, не существуют сами по себе, а зависят от знания, власти или диспозитивов [14; 117].

Таким образом, те, кто верят, что видят истину, на самом деле смотрят на истину «глазами других», как сказал Локк. В этом смысле Локк приходит к парадоксальному выводу, что число людей, которые заблуждаются и придерживаются ложных мнений, не так велико, как это принято считать. Однако это не означает, что Локк считал, что мы знаем истину, скорее он связывал эту проблему с суждениями людей, не осознающих своего невежества, или, как подчеркивал Фуко, с коллективным мифом, созданным доминирующими субъектами. В частности, люди, воспитываемые без права на свободную и критическую мысль, «думают» под влиянием и руководством других и действуют соответственно. Локк выражает свое мнение следующим образом: «Людям достаточно подчиняться своим лидерам и держать руки и языки наготове, чтобы поддерживать общее дело общества. Таким образом, они добиваются того, чтобы их принимали те, кто обеспечивает им доверие, положение и защиту в этом обществе. В результате люди становятся защитниками идей, в которые они никогда не верили, о которых даже не думали. Таким образом, хотя в мире есть ложные идеи, число людей, которые действительно верят в них и считают их истинными, гораздо меньше, чем принято считать» [4; 716]. Подход Локка согласуется с идеями Эрика Хоффера, одного из выдающихся философов XX века, анализировавшего анатомию массовых движений. В своей книге «Истинно верующий» Хоффер описывает суждения, продвигаемые авторитарными группами в обществе и выдаваемые за «истины», как факторы, играющие каталитическую роль в массовом идеологическом процессе. Хотя священные цели, за которые люди умирают, сильно отличаются друг от друга, эти люди умирают за одно и то же. Другими словами, «предвзятые истины», используемые доминирующей идеологией или институтом в качестве инструмента выгоды и манипуляции, на самом деле следует понимать как инструмент для преднамеренного введения в заблуждение отдельных лиц с целью предотвращения «распада» общества. В этом смысле все массовые движения создают у своих партнеров чувство «единства» и требуют от них лояльности и слепой веры. Таким образом, как можно понять из сравнительного анализа, социальный аспект заблуждений имеет определенный преднамеренный, целенаправленный ха-

ракти. В то же время анализ заблуждения в социально-историческом контексте требует подчеркивания его коллективного, а не индивидуального характера.

В этом контексте, если обобщить идеи Локка о заблуждении, можно сравнить его концепции знания или истины с нередуцируемой позицией французского философа XXI века Бруно Латура. Если подойти к вопросу именно с точки зрения заблуждения, то можно увидеть, что Латур аналогичным образом подчеркивает роль не только научных положений или лабораторных результатов, но и эмоциональных, социальных и политических элементов как их обуславливающих факторов. В этом смысле Латур, возражая против традиционной концепции истины, предлагает не игнорировать ее социальную природу и адаптацию к властным отношениям. Во-первых, Латур рассматривает разум не как универсальный, объективный принцип, понимаемый в классическом смысле, а как инструмент социальной дифференциации в обществе. То есть, по Латуру, разум не является концепцией, действующей вне индивидуального выбора или социальных норм. Другими словами, разум — это социальная функция, которая существует в социальной сфере и определяет отношения (понимания и противоречия) между различными концепциями. Таким образом, разум — это явление, сформированное вкусом, профессионализмом, социальным статусом и классовыми факторами. В этом смысле разум действует на основе того, «кто что принимает за истину», а не на основе усилий по открытию истины и достижению универсальных истин. Во-вторых, Латур приравнивает науку к силе (*force*) и оценивает ее как результат борьбы за власть. В этом контексте наука формируется не просто как объективный или беспристрастный поиск знаний, а как инструмент власти и принуждения в социальном и политическом смыслах. Наконец, Латур интерпретирует истину как влиятельную силу (*power*) [15; 181]. Другими словами, истина — это также своего рода результат динамики власти и средство манипуляции, используемое теми, кто хочет укрепить свою власть, чтобы «ослепить» других. Так, Латур, который исходит из схожей с Локком идеи, также показывает, что во многих случаях заблуждения людей возникают на основе схожих механизмов с выражением «у них есть глаза, но они не видят, у них есть уши, но они не слышат» [16; 212]. Другими словами, люди иногда могут неосознанно продолжать существовать в рамках общепринятых заблуждений, поддерживаемых социальными нормами, и могут не осознавать этих заблуждений.

Локк также затрагивает проблему невежества как причины заблуждений. И он выделяет две группы людей, подверженных этому типу заблуждения: первая — бедный класс, который подвергается «вынужденному невежеству», а вторая — те, кто стал орудием правящих властей. По его мнению, для большинства людей условия жизни, необходимость работать и нехватка времени не позволяют им рассматривать обоснованность предоставленных доказательств, чтобы оценить истинность или ложность аргументов. Большая часть общества из-за финансовых трудностей, ежедневных жизненных невзгод, а также ограниченных образовательных возможностей лишена возможности проводить исследования и фильтровать получаемую информацию через критический фильтр. По его словам, «неразумно ожидать, что человек, который провел свою жизнь в тяжелом труде, будет знать больше о том, что происходит в мире, чем обычная вьючная лошадь, идущая на рынок» [4; 704]. Другими словами, эти поработанные люди имеют в жизни так же мало возможностей для приобретения истинных знаний и проведения исследований. Все их время и усилия тратятся только на то, чтобы накормить свои желудки или заглушить крики своих детей. Разделение труда и неравенство возможностей, сформированные социальной структурой, приводят людей, даже если они этого не хотят, к неизбежному невежеству.

По мнению Локка, вторая группа, то есть люди, обладающие материальными средствами и свободным временем, ограничивает своё мышление, и их сознание формируется под влиянием обязательных религиозных практик. Таким образом, ради интересов страны они заключают индивидов этой группы на невежество и держат их под строгим контролем, потому что знают, что в противном случае существует опасность снижения веры в государство. По мнению Локка, эта группа не обладает большими возможностями для объективного и критического исследования по сравнению с другой группой. Другими словами, это как если бы «невинные люди, которых заставляют принимать таблетки шарлатанов, не знаящих, как они готовятся, проглатывают и переваривают определенные идеи и утверждения таким же образом, и все, что им нужно сделать — это поверить, что эти таблетки их вылечат» [17; 127]. По нашему мнению, этот процесс, который Локк оценивает как «непознаваемую истину», вызван потребностью людей принадлежать и, соответственно,

подчиняться системе верований той среды, членами которой они являются, тем самым ограничивая свободу мысли.

По мнению философа, есть и третья группа, которая, хотя и имеет достаточное богатство и свободное время, а также навыки и возможности для улучшения своих точек зрения, не хочет извлекать из этого пользу. Локк связывал этот тип заблуждения с теми, кто не хочет улучшать свои мыслительные способности из-за «погоны за удовольствиями», слабости воли, лени, медлительности и отсутствия энтузиазма к чтению и работе, и поэтому принимает те идеи, которые им подходят и являются модными [17; 127]. По мнению Локка, такие люди боятся, что результаты объективных исследований будут не в пользу суждений и идей, обеспечивающих их комфортную жизнь, и поэтому они добровольно принимают модные идеи. «Белое невежество» Миллса как активное и преднамеренно созданное невежество, основанное на расизме, может быть современным примером этого. Локк оценивает таких людей как тех, кто не ценит свою душу. Мозги и понимание этих людей, которые больше заботятся о своей внешности, облакаются в их истины «государственными портными». В этом смысле можно сказать, что первые две группы являются жертвами пассивного невежества в результате ограниченных возможностей и «зомбирования», а последняя группа — жертвой активного невежества, которая сознательно и преднамеренно отвергает истину. По мнению Локка, именно эта группа больше всего ошибается — те, кто поработен ради своих удовольствий. Американский философ Нэнси Туана называет этот вид невежества, понимаемый как «желание не знать» и возникающий из целенаправленного невежества, «мотивированным невежеством». Некоторые люди добровольно невежественны, потому что им легче отвести взгляд, игнорировать или избегать мышления. В этом смысле, когда внешне стимулированное невежество сочетается с индивидуальными эпистемическими дефектами, эпистемический процесс подвергается индивидуальному и коллективному вмешательству. Таким образом, приобретение, сокрытие и распространение истины систематически предотвращается. Это внешне мотивированное невежество парализует когнитивный процесс, заставляя людей не доверять своим собственным убеждениям, и в результате уверенность людей в своих собственных эпистемических способностях достигать истины систематически подрывается [18]. По моему мнению, этот тип заблуждения содержит характеристики стадного инстинкта и интеллектуальной лени.

Заблуждения Локка о невежестве и моде согласуются с философскими и педагогическими взглядами индийского философа XX века Джидду Кришнамурти. Если проанализировать и суммировать вышеизложенные идеи Локка, то можно увидеть, что одной из важнейших причин заблуждений является ограничение свободы. Очевидно, что Локк показал, что первая группа лишена свободы и свободной мысли, поскольку они подвержены материальной зависимости, вторая — догматической вере, а третья — мирским удовольствиям. Согласно Кришнамурти, истина — это состояние без путей, достичь его невозможно ни через какую религию, философию или секту [19; 9]. Здесь Кришнамурти отрицает зависимость истины от какой-либо господствующей идеологии или силы. Большинство, однако, подчиняются другим, чтобы избежать неопределенности и чувствовать себя в безопасности, тем самым жертвуя своей внутренней свободой. Согласно Кришнамурти, который рассматривает историю толкования истины, никто не может достичь истины, не избавившись как от внешних, так и от внутренних обусловленностей, таких как желание, тоска, удовольствие, наслаждение, ревность. В этом смысле первой целью должно быть освобождение ума от всех обусловленностей, а затем достижение истины, выбрав свободу в качестве средства [19; 16-17]. По мнению философа, главным условием освобождения ума является замена инструментального ума на пробужденный ум. Поскольку традиционная система образования ориентируется не на интеллект, а на формулы и формулировки, она с детства калечит умы людей этими знаниями, формирует их и деморализует [20; 1181], заставляя мыслить только в определенных рамках. Однако способность адаптироваться к большому обществу не является показателем психического здоровья. Иными словами, когда индивиды слепо принимают модные верования или истины, формирующие социальную структуру, они напрямую подвергают опасности свое интеллектуальное и психическое здоровье. В результате истины скрываются, что приводит к исчезновению здравого смысла и распаду общества. Как видно, в философии Кришнамурти ключом к преодолению заблуждений и открытию двери к истине является свободная мысль, очищенная от догм.

Если адаптировать проблему невежества, предложенную Локком как источник заблуждений, к реалиям XXI века, то мы определенно должны дать место сравнительному объяснению Роберта Проктора с понятием «агнотология». В книге Проктора «Агнотология: создание и устранение

невежества» невежество представлено как стратегически важная сила. По мнению Проктора, вера, дезинформация, забывчивость (на общественном уровне), безразличие, секретность могут как заменять невежество, так и быть его «прокси» [21; 5]. Если рассмотреть эти элементы, то можно увидеть, что они являются носителями характеристик локковского понятия невежества. В классической эпистемологии невежество описывается как недостаток, пробел, который наука не достигает и не заполняет. В своей современной интерпретации, особенно в социальной эпистемологии, оно представлено как явление, которое может быть создано и уничтожено. На самом деле, видов невежества столько же, сколько и знаний, возможно, даже больше. Потому что каждый раз, когда мы узнаем что-то новое, мы понимаем, что то, чего мы не знаем, на самом деле бесконечное число, невидимая часть айсберга. Тем не менее, Проктор, в соответствии с классификацией Локка, выделял три вида невежества:

1. Проктор подходит к первому виду невежества с эволюционной точки зрения и называет его естественным невежеством. По Проктору, и человечество (начиная с периода первобытных общин), и люди (с момента рождения) начинают жизнь невежественными, а со временем накапливают знания и выходят из этого состояния. То есть невежество является как катализатором, так и причиной возникновения знания. Говоря словами Кеплера, «невежество — это мать, которая должна умереть для рождения науки». В этом смысле, по Проктору, первый вид невежества — это естественное состояние, начальная стадия для получения знаний, а также движущая сила научного прогресса. Однако в то же время Проктор раскрывает и другую сторону вопроса, изображая науку как «соучастника преступления», участвующего в создании невежества. Если мы рассмотрим позиции большинства философов, особенно начиная с современного периода, то увидим, что наука оценивается с оптимистической точки зрения как сила, направленная на устранение невежества, но автор, напротив, описывает невежество как гарант преемственности и непрерывности науки. Короче говоря, «невежество необходимо для приведения в движение колес науки» [21; 7–9].

2. Во втором смысле невежество предстает как «потерянная реальность или избирательный выбор». Хотя наука как процесс всегда поддерживается идеалом научной объективности, современные анализы в области истории и социологии науки утверждают, что она не является нейтральной. В этом смысле, по мнению Проктора, невежество — это не просто незнание, а стратегический инструмент, созданный и поддерживаемый в политических, экономических и идеологических целях. Таким образом, когда научные исследования фокусируются на определенных областях, другие области намеренно затмеваются. В этом контексте производство невежества, как и производство знаний, структурировано. В этом контексте Лонда Шибингер также подчеркивает сексистские и колониальные характеристики агнатологии. В период европейского колониализма присваивались не только материальные блага, но и знания. Однако информация, которая не соответствовала целям системы, знания, которые не были для них полезны, игнорировались и не передавались общественности, а поток информации ограничивался особым контролем. Например, методы контроля рождаемости в колониях систематически исключались, поскольку они противоречили местной демографической политике колонизаторов [21; 9–11]. Таким образом, невежество иногда является не пассивным незнанием, а активно уничтожаемым, прикрываемым понятием. Если сравнить его со второй формой примера невежества Локка, то обе можно оценить как средство систематического обмана, сформированное в соответствии с интересами правящих властей, с неполным предоставлением знаний. То есть те, кто не хочет, чтобы вы что-то знали, поддерживают агногенез (преднамеренное создание невежества), постоянно создавая новые пробелы, чтобы обмануть вас. Потому что исчерпание невежества является для них «ужасным сценарием», своего рода обманом и, таким образом, концом механизма контроля и власти.

3. В третьей форме невежество раскрывается как стратегический маневр, идеологическое оружие. На этом этапе невежество служит для манипулирования обществом, для введения в заблуждение, для направления по ложному пути. Это в основном используется в экономических целях, и невежество в этом смысле служит защитным щитом. В этом смысле, обесценивая знания и обесценивая научный консенсус, в обществе создается сомнение и направляется общественное мнение. В частности, создавая контрзнание, общество вводится в заблуждение. Например, если мы посмотрим на рекламу табачной экономики, такую как «рекомендации врачей — фильтры L&M», «сигареты Camel, используемые большинством врачей», мы можем это ясно увидеть [15; 14].

Заключение

Таким образом, если взять взгляды Локка за основу, возможно ли достичь истины, полагаясь на истины других и веря в них, будь то эпистемический или политический авторитет? В таком случае, можно ли считать верования, основанные на свидетельстве других, истиной, или это на самом деле одна из основных причин заблуждения, одна из тактик обмана? Ответ на вопрос можно дать с редуccionистской и нередуccionистской позиций. В первом из рассмотренных аспектов, если рассматривать это в контексте высказанной Юмом идеи, свидетельство может считаться достоверным лишь в том случае, если оно подкреплено другими доказательствами. С точки зрения второго подхода убеждения, подтверждённые свидетельством, приравниваются к знанию, полученному посредством восприятия [22; 4–6]. Поэтому именно вторую точку зрения можно сравнить с заблуждениями Локка о слепой вере в других и добровольном невежестве. Потому что иногда то, что мы видим и слышим, может не соответствовать тому, что мы на самом деле воспринимаем (оптические, визуальные, звуковые иллюзии и т.д.), и в то же время другие могут намеренно исказить знания, чтобы заставить нас принять что-то за «истину». В этой связи превращение любого убеждения в догму является самым большим препятствием для того, чтобы увидеть его неполноту и ошибки. Некоторые философы, такие как Фрикер, считают, что такое принятие может существенно ограничить интеллектуальную автономию людей и подрывать их способность к самостоятельному мышлению. Потому что человек, который верит всему, что слышит, в конечном итоге обречен на заблуждение, поскольку он не может отличить истинную, ложную и фальшивую информацию. Таким образом, в этой ситуации, которую мы можем назвать «эпистемической чистотой большинства», люди могут приходиться к неправильным решениям и убеждениям из-за эпистемических недостатков, таких как научные эпистемические предубеждения, безразличие и невежество, не осознавая, что критерии истины были сознательно изменены [23; 109]. Верования, которые принимаются без размышлений, ведут к коллективному невежеству, которое, в свою очередь, ведет к коллективной иррациональности. В таком случае, какое убеждение следует считать доказательством? Я думаю, что концепция «психологизма, основанного на истине», которая является основной темой книги Вели Митовой «Правдоподобная истина», является удачным выбором в этом смысле. В этом контексте доказательство не просто является частью знания, но и должно быть логически обоснованным, объективным, адекватным действительности и психологически объяснимым [24; 1–4].

В этом контексте, если процитировать слова Джона Локка: «Думать, что мы можем знать что-то через понимание других, так же нелогично, как верить, что мы можем видеть глазами других. Доля истинного и правильного знания, которое мы непосредственно воспринимаем и понимаем, равна доле того, чем мы действительно обладаем. Идеи других, витающие в наших умах, даже если они истинны, не делают нас ни на йоту более знающими» [25; 21]. Таким образом, проанализировав идеи Локка, можно сделать вывод, что большинство людей находятся в положении гребцов на корабле Одиссея, которые как бы увидели истину, но не слышат или не могут услышать ее голос. В этом смысле люди, избегающие встречи с истиной, заливая себе в уши воск и полагаясь на сильных мира сего, которые, в свою очередь, слушают только магический голос истины, сохраняют свой эпистемический мир. Таким образом, по сути, общество, которое каким-то образом «оглушено», обречено на эпистемическую пассивность. В результате в обществе формируется одномерный критерий истины, препятствующий звучанию как ложных, так и истинных идей. А заглушение истинных идей лишает людей возможности осознать свои заблуждения и заменить их истиной. По словам Стюарта Милля, это заглушение означает разграбление не только нынешнего поколения, но и будущих поколений, человечества в целом [26; 21]. По мнению Локка, «плавающие идеи» могут обрести статус знания только в том случае, если каждый исследует их собственным разумом, сопоставит с чувственным восприятием, памятью и правильными суждениями. Таким образом, можно сказать, что Локк, анализируя различные типы и источники заблуждений, связывал их с социальной координацией, доверием, групповой принадлежностью и захватом индивидуальной мысли коллективным разумом.

Список литературы

- 1 Axtell G. Introduction to Philosophy: Epistemology / G. Axtell, B.C. Barnett, T.R. Long, J. Lopez, D. Massey, M.C. Poole et al. — The Rebus Community, 2021.
- 2 Hume D. An Enquiry Concerning Human Understanding. 2nd ed. / D. Hume; ed. by E. Steinberg. — Hackett, 1993.
- 3 Schuurman P. John Locke's "Of the Conduct of the Understanding": Doctor's thesis / P. Schuurman. — University of Keele, 2000.
- 4 Locke J. An Essay Concerning Human Understanding / J. Locke. — The Pennsylvania State University, 1999.
- 5 Заботин П.С. Преодоление заблуждения в научном познании / П.С. Заботин. — М.: Мысль, 1979.
- 6 Plantin C. Dictionnaire de l'argumentation: A Cohærentia / C. Plantin. — Force des Choses. — 2021.
- 7 Fallacies: Classical and Contemporary Readings / H.V. Hansen, R.C. Pinto (Eds.). — The Pennsylvania State University Press, 1995.
- 8 Zagzebski L. A Defense of Epistemic Authority / L. Zagzebski // Res Philosophica. — 2013. — Vol. 90, No. 2. — P. 293–306. DOI: 10.11612/resphil.2013.90.2.12.
- 9 Baumer F.L. Batı Düşüncesinin Anaakımları / F.L. Baumer; trans. A. Alatlı. — Kapı Yayınları, 2021.
- 10 Foucault M. Power/knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977 / M. Foucault; ed. by C. Gordon. — New York: Pantheon Books, 1980.
- 11 Foucault M. Entelektüelin Siyasi İşlevi: Seçme Yazılar 1. 3. baskı / M. Foucault. — Ayrıntı Yayınları, 2011.
- 12 Peltonen M. From Discourse to Dispositif: Michel Foucault's Two Histories / M. Peltonen // Historical Reflections. — 2004. — Vol. 30, No. 2. — P. 205–219.
- 13 Kızılkaya E. Foucault ve Agamben'de Dispozitif Kavramı ve İktisat / E. Kızılkaya // Çukurova Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi. — 2013. — Vol. 14, No. 2. — P. 19–44.
- 14 Cotoi C. Neoliberalism: A Foucauldian Perspective / C. Cotoi // International Review of Social Research. — 2011. — Vol. 1, No. 2. — P. 109–124.
- 15 Brassier R. That which is not: Philosophy as entwinement of truth and negativity / R. Brassier // Stasis. — 2013. — Vol. 1. — P. 174–186.
- 16 Latour B. The Pasteurization of France / B. Latour; trans. A. Sheridan, J. Law. — Harvard University Press, 1993.
- 17 Rosen F. The Philosophy of Error and Liberty of Thought: J.S. Mill on Logical Fallacies / F. Rosen // Informal Logic. — 2006. — Vol. 26, No. 2. — P. 121–147.
- 18 Tuana N. The Speculum of Ignorance: The Women's Health Movement and Epistemologies of Ignorance / N. Tuana // Hypatia. — 2006. — Vol. 21, No. 3. — P. 1–19.
- 19 Krishnamurti J. Özgürlük Üzerine / J. Krishnamurti; пер. N. Demirdöven. — Ayna Yayınları, 2005.
- 20 Taşçier F. Krishnamurti'nin Eğitim Anlayışı / F. Taşçier // Uluslararası Anadolu Sosyal Bilimler Dergisi. — 2021. — Vol. 5, No. 4. — P. 1177–1204.
- 21 Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance / R. Proctor, L. Schiebinger (Eds.). — Stanford University Press, 2008.
- 22 The Epistemology of Testimony / J. Lackey, E. Sosa (Eds.). — Oxford University Press, 2006.
- 23 Kılınç Y. Siyasette Epistemik Kriz ve Tevazu / Y. Kılınç // İnsan & Toplum. — 2023. — Vol. 13, No. 3. — P. 108–136. — DOI: 10.12658/M0700.
- 24 Mitova V. Believable Evidence / V. Mitova. — Cambridge University Press, 2017.
- 25 Świderski E.M. Just Where Is the Error? Or: Epistemology as the History of Error? / E.M. Świderski // Napis. — 2020. — Vol. 26. — P. 11–32. — Access mode: <http://journals.openedition.org/napis/340>.
- 26 Social Epistemology / A. Haddock, A. Millar, D. Pritchard (Eds.). — Oxford: Oxford University Press, 2010.

Шамс. А. Бунятова

Ұжымдық қателіктер және адастыру механизмдері:**Джон Локктың қателіктер типологиясынан қазіргі эпистемологияға дейін**

XX ғасырдан бастап әлеуметтік эпистемология саласында шындық ұғымын ұжымдық түсіндіру индивидуализммен салыстырғанда басымдыққа ие болғаны белгілі. Бұл модернизм насихаттайтын біржақты-эгоцентристік тәсілге жауап болды деп айтуға болады. Осы тұрғыдан алғанда, шындық ұғымы ғана емес, сонымен қатар адасу, өтірік және қателік сияқты құбылыстар бір адамның ойлау операцияларының нәтижесі ретінде емес, жалпы қоғамның адасуы ретінде бағалана бастады. Атап айтқанда, шындықты ашылмайтын, бірақ жасалатын құбылыс ретінде бағалау философтарды қате ұғымының бастауларын қайта талдауға және интеллектуалды ғана емес, сонымен қатар басқа күштердің (діни, саяси және т.б.) рөлін қарастыруға түрткі болды. Бұл тұрғыда Джон Локктың қателіктің әлеуметтік және ұжымдық сипатын ерекше атап өткен алғашқы философтардың бірі ретіндегі көзқарасы және оның ұстанымын кеңейту, сондай-ақ қазіргі философтардың идеяларымен синтездеу мақаланың басты негізі. Джон Локктың когнитивті қателіктердің әртүрлі түрлерін ұсынатын көзқарастары негізінен М. Фуко, Б. Латур және Р. Проктор сияқты философтардың идеяларымен салыстырылады. Мақалада қателіктер көзі ретінде сендіру механизмдері, надандықтың белсенді және пассивті түрлері, агногенез, шындық режимдері, интеллектуалды жалқаулық және жаңылыстыратын шындық сияқты ұғымдар арасындағы қатынастар арнайы қарастырылады. Бұл

ұғымдар, ең алдымен, алдау әдістері және қоғамды алдаудан пайда табу құралдары ретінде бағаланады.

Кілт сөздер: қателік, шындық, надандық, сенім, куәлік, агнатология, шындық режимдері, әлеуметтік эпистемология, тобыр психологиясы, перспективизм, объективтілік.

Shams. A. Bunyatova

Collective Errors and Mechanisms of Deception: From John Locke's Typology of Mistakes to Contemporary Epistemology

Since the 20th century, in the field of social epistemology, the collectivist interpretation of the concept of truth has become a priority over the individualist one. Thus, it can be said that this was a response to the one-sided egocentric approach promoted by modernism. From this point of view, not only the concept of truth, but also such phenomena as delusion, lie, error, began to be assessed not as a result of the mental operations of one person, but as an error of society as a whole. In particular, the assessment of truth as a phenomenon that is not discovered, but created, prompted philosophers to re-analyze the origins of the concept of error, to consider the role of not only intellectual, but also other forces (religious, political, etc.). In this sense, the approach of John Locke, as one of the first philosophers to emphasize the social and collectivist nature of error, and the expansion of his position and synthesis with the ideas of modern philosophers, is the central argument of the article. John Locke's views, giving different types of errors, are mainly contrasted with the ideas of such philosophers as M. Foucault, B. Latour and R. Proctor. The article specifically examines the relationships between such concepts as mechanisms of persuasion as sources of errors, active and passive forms of ignorance, agnogenesis, regimes of truth, intellectual laziness and misleading truths. The listed concepts are mainly assessed as methods of deception and means of extracting benefits from deceiving society.

Keywords: errors, truth, ignorance, belief, testimony, agnotology, regimes of truth, social epistemology, crowd psychology, perspectivism, objectivity.

References

- 1 Axtell, G., Barnett, B.C., Long, T.R., Lopez, J., Massey, D., Poole, M.C. et al. (2021). *Introduction to philosophy: Epistemology*. The Rebus Community.
- 2 Hume, D. (1993). *An enquiry concerning human understanding*. (2nd ed.). E. Steinberg (Ed.). Hackett.
- 3 Schuurman, P. (2000). John Locke's "Of the Conduct of the Understanding". *Doctor's thesis*. University of Keele.
- 4 Locke, J. (1999). *An essay concerning human understanding*. The Pennsylvania State University.
- 5 Zabolotin, P.S. (1979). *Preodolenie zabluzhdeniia v nauchnom poznanii* [Overcoming Errors in Scientific Knowledge]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 6 Plantin, C. (2021). *Dictionnaire de l'argumentation: A Cohærentia*. Force des Choses [in French].
- 7 Hansen, H.V., & Pinto, R.C. (Eds.). (1995). *Fallacies: Classical and contemporary readings*. The Pennsylvania State University Press.
- 8 Zagzebski, L. (2013). A Defense of Epistemic Authority. *Res Philosophica*, 90(2), 293–306. <https://doi.org/10.11612/resphil.2013.90.2.12>.
- 9 Baumer, F.L. (2021). *Batı Düşüncesinin Anaakımları* (A. Alatlı, Çev.). Kapi Yayınları [in Turkish].
- 10 Foucault, M. (1980). *Power/knowledge: Selected interviews and other writings, 1972–1977*. C. Gordon (Ed.). Pantheon Books.
- 11 Foucault, M. (2011). *Entelektuelin siyasi islevi: Secme yazarlar 1 (3. baskı)*. Ayrıntı Yayınları [in Turkish].
- 12 Peltonen, M. (2004). *From Discourse to Dispositif: Michel Foucault's Two Histories*. *Historical Reflections*, 30(2), 205–219.
- 13 Kızılkaya, E. (2013). Foucault ve Agamben'de Dispozitif Kavramı ve İktisat. *Cukurova Üniversitesi İktisadi ve İdari Bilimler Dergisi*, 14(2), 19–44 [in Turkish].
- 14 Cotoi, C. (2011). Neoliberalism: A Foucauldian perspective. *International Review of Social Research*, 1(2), 109–124.
- 15 Brassier, R. (2013). That which is not: Philosophy as entwinement of truth and negativity. *Stasis*, 1, 174–186.
- 16 Latour, B. (1993). *The pasteurization of France*. (A. Sheridan, J. Law, Trans.). Harvard University Press.
- 17 Rosen, F. (2006). The philosophy of error and liberty of thought: J.S. Mill on logical fallacies. *Informal Logic*, 26(2), 121–147.
- 18 Tuana, N. (2006). The Speculum of Ignorance: The Women's Health Movement and Epistemologies of Ignorance. *Hypatia*, 21(3), 1–19.
- 19 Krishnamurti, J. (2005). *Özgürlük Üzerine. N. Demirdoven (Çev.)*. Ayna Yayınları [in Turkish].

- 20 Taşçılar, F. (2021). Krishnamurti'nin Eğitim Anlayışı. *Uluslararası Anadolu Sosyal Bilimler Dergisi*, 5(4), 1177–1204 [in Turkish].
- 21 Proctor, R., & Schiebinger, L. (Eds.). (2008). *Agnotology: The making and unmaking of ignorance*. Stanford University Press.
- 22 Lackey, J., & Sosa, E. (Eds.). (2006). *The epistemology of testimony*. Oxford University Press.
- 23 Kılınc, Y. (2023). Siyasette Epistemik Kriz ve Tevazu. *Insan & Toplum*, 13(3), 108–136. <https://doi.org/10.12658/M0700> [in Turkish].
- 24 Mitova, V. (2017). *Believable Evidence*. Cambridge University Press.
- 25 Świdorski, E.M. (2020). Just where is the error? Or: Epistemology as the history of error? *Napis*, 26, 11–32. Retrieved from <http://journals.openedition.org/napis/340>.
- 26 Haddock, A., Millar, A., & Pritchard, D. (Eds.). (2010). *Social Epistemology*. Oxford University Press.

Сведения об авторах

Бунятова Шамс — докторант и преподаватель факультета социальных наук и психологии, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан; <https://orcid.org/0000-0003-1451-8372>

Information about the author

Bunyatova Shams — PhD student, Lecturer of the Department of Social Sciences and Psychology, Baku State University, Baku, Azerbaijan, <https://orcid.org/0000-0003-1451-8372>